

2011

№ 18

Известия
корееведения

в Центральной Азии

QUI PRO QUO В ДИСКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНОГО, ЭТНИЧЕСКОГО И ДИАСПОРАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Диаспоральное (диаспорное)ⁱ самосознание зачастую смешивается с этническим и национальным, то есть налицо **qui pro quo**, хотя на самом деле оно не совпадает с ними полностью в силу различия общественного бытия их носителей - нации, этноса и диаспоры. Однако, такое смешение понятий происходит по той причине, что все три общности людей, отличающиеся по многим параметрам друг от друга, несут в себе одно изначальное ядро - «этничность».

Взаимное непонимание характерно даже на уровне ученых, в чем не раз приходилось убеждаться, общаясь с южнокорейскими коллегами. Убежден, что это результат того, что одни исследователи происходят из полиэтнического общества, другие же родились и социализировались в моноэтнической и монокультурной среде. Последние, как показывает опыт, даже получив университетское образование и ученую степень за рубежом, продолжают оставаться в плену традиционных представлений, в том числе и сфере самосознания.

Исходя из этого посыла, моя попытка графического изображения взаимоотношений этих типов самосознания (*именно взаимоотношений, а не самих типов!*) привела к двум вариантам, в зависимости от того, о каком государстве идет речь. Либо, как принято говорить на русском - многонациональном, или моноэтническом.

Прежде всего, в мультикультурном сообществе система взаимоотношений всех трех типов самосознания не несет статичный характер, а будет представлять собой анимацию, в которой фигуры будут изменять не только свои очертания, но и границы взаимопроникновения. По хроно-

логии возникновения, скорее всего первичным будет этническое самосознание, ибо ребенок начнет идентифицировать себя сначала немцем, французом, японцем или казаком, осознавать константность, преемственность и специфику этнических традиций, языка, семейного уклада. Затем наступит период определения гражданства, добровольно избранного или навязанного извне, с учетом которого позднее проявится диаспорное самосознание. У взрослых людей, которые иммигрируют в иную страну с сформировавшейся этнической идентичностью, происходит первоначально смена национального самосознания, в виде перетекания из лояльности к стране-донору, к стране-реципиенту. Затем появляется со временем диаспорное самосознание, онтогенез и филогенез которого зависят от ряда предпосылок и условий, о чем речь пойдет чуть позже.

У детей, рожденных и живущих в моноэтнической среде, оба типа самосознания возникают почти одновременно, параллельно. Например, в Южной Корее, которая называет себя *Дэхан Мингук* (Республика Корея) или сокращенно – Хангукⁱⁱ, с самого раннего возраста индокринируется триединство *ханнара*, *хаминчжок*, *хангыль*, то есть - одна страна, один народ, одна письменность. Хангыль в этом контексте означает не только национальный алфавит, которым корейцы по праву чрезвычайно гордятся, но всю этническую корейскую культуру. Поэтому редко кто там понимает, как можно осознавать себя корейцев, при этом не владеть корейским языком? Как быть корейцем и не разделять корейский ультра-патриотизм, который кто-то метко обозвал «уринараизмом» (слово состоит из трех частей: *ури* – наш, *нара* – страна и знакомый суффикс – *изм*), ибо упомянутое триединство повторяется повсеместно и многократно?

В этномогенных государствах действует двухкомпонентная модель соотношения самосознания: национального и этнического.

Этничность, как было уже отмечено, является одной из ключевой составляющей всех типов самосознания и

существуют три теоретико-методологических подхода к этому феномену: примордиалистский; инструменталистский и конструктивистский.

Соотношение трех типов самосознания в полиэтнических странах

Соотношение двух типов самосознания в моноэтнических странах

Примордиалисты, главным образом антропологи (этнологи) рассматривают этничность в качестве первородной (изначальной) характеристики, присущей индивиду как члену этнической группы, основа которой - кровное родство, общее происхождение и исконная территория. Среди известных западных представителей этого течения отмечаются Ван ден Берг, Клиффорд Гиртц, Энтони Смит,ⁱⁱⁱ среди российских (советских) - Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев и др.^{iv}

Для последователей конструктивизма - этничность коренится не «в крови», а «в мозгах» индивидов, которые являются членами этнических групп - «воображаемых со-

обществ» или «социальных конструкций». В рамках этого наиболее популярного на Западе течения в изучении этничности, особую значимость приобретают не объективные атрибуты этнической группы (кровное родство, общая территория и история), а ее субъективная сторона: общие мифы, групповое сознание, чувство солидарности. Наиболее часто упоминаемыми западными учеными, работающими в рамках конструктивизма, являются Эрнст Геллнер, Бенедикт Андерсон и Эрик Хобсбаум^v.

Инструментализм сочетает в себе и «примордиалистские» и «конструктивистские» составляющие. Сложившись в рамках политологии, социологии и антропологии, он отличается функциональным подходом. Ученые инструменталистской ориентации предлагают объяснение этничности как средства достижения групповых интересов, как идеологию, создаваемую элитой для мобилизации группы. К наиболее известным инструменталистам относят Джорджа де Воса.^{vi} Этого же подхода в объяснении этничности придерживаются современные российские исследователи, такие как Губогло М.Н., Дробижева Л.М., Солдатова Г.У. и др.^{vi}

Термины "этническая идентичность" и "этническое самосознание" в большинстве случаев выступают как синонимы, однако существуют ситуации, когда имеет смысл разграничить эти понятия. Этническая идентичность - это осознание личностью своей принадлежности к определенному этносу, переживание индивидом своего тождества с одной этнической общностью и обособление от других этносов. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента - когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства).

С этнической идентичностью сопряжена так называемая этническая самоидентификация - сознательный акт этнического самоопределения человека в контексте отношения себя к конкретной этнической общности. Обычно

человек причисляет себя к тому этносу, к которому принадлежат его кровные родственники и родители. Однако этническая самоидентификация может быть нарушена по ряду социальных и психологических причин.

Швейцарский ученый Ж. Пиаже был одним из первых, кто предложил свою разработку этапов развития этнической идентичности.^{viii} Он выделил 3 основных этапа:

1) 6-7 лет. В этом возрасте ребенок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные знания о своей этнической принадлежности. Наиболее значимыми для него являются семья и непосредственное социальное окружение, а не страна или этническая группа;

2) в 8-9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – этническая принадлежность родителей, место проживания, родной язык;

3) в младшем подростковом возрасте (10-11 лет) этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.

Дальнейшие исследования показали, что этническая идентичность впервые проявляется в 3-4 года, основанная на различении антропологических признаков представителей этнических групп, таких как цвет кожи, цвет волос. Однако в полном объеме, осознанно, идентичность проявляет себя в младшем подростковом возрасте, когда происходит осознанное различение своего этноса от другого. Этническая идентичность образование динамическое, она изменяется со временем: человек может переосмыслить роль этнической принадлежности в своей жизни. Поэтому формирование этнической идентичности не прекращается в подростковом возрасте, так как процесс их воспитания происходит под влиянием традиционных устоев и ценностей жизни, как правило, в рамках семьи, клана, общины.

В формировании этнической идентичности существенным оказывается сознательное отнесение себя к определенному этносу, которое происходит раньше, чем ребе-

нок начинает осознавать постоянство этнических характеристик. Этнические константы, фиксируясь в сознании индивида в подростковом возрасте, завершают собой как формирование этнической идентичности. Иными словами, наблюдается четкая временная последовательность формирования трех основных констант. Осознание неизменности половых характеристик наступает в 2-2,5 года, расовых - в 8-9 лет, а этнических, в процессе которого необходимо использование сложных механизмов социокультурной идентификации и межпоколенной передачи информации - не ранее 12-13 лет.^{ix}

Процессы формирования этнической идентичности и самосознания индивидов, рожденных от смешанных браков и выросших в условиях повседневного межкультурного взаимодействия, протекают со своеобразной спецификой. Многие исследователи отмечают, что смешанные браки способствуют упадку этничности и дети в этногетерогенных семьях обретают не просто смешанную или двойственную идентичность, но и ситуационную (множественную), выступая в зависимости от социального контекста как представители различных этнических групп.

Дж. Берри предложил выделять четыре типа этнической идентичности для потомков смешанных браков в зависимости от ситуации: 1. моноэтническая идентичность (высокий уровень идентичности со «своей этнической группой» при отсутствии или низком уровне идентичности с «чужой»); 2. моноэтническая идентичность с «чужой» этнической группой; 3. биетническая идентичность (высокий уровень идентичности с обеими этническими группами); 4. маргинальная этническая идентичность (низкий уровень идентичности с обеими группами или даже ее отсутствие).^x

Этническое самосознание есть устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков этноса.^{xi} То есть понятие этнического сознания объемно и многогранно и оно находит свое выражение в разнообразных проявлениях жизни этноса. К наиболее

значимым и присущим для этноса признакам относят этноним (самоназвание), происхождение и историческое прошлое членов этноса, этническая территория, язык, религия, культура, экономика, представляющие элементы различных подсистем или сфер этнической культуры, а также этничность носителей в качестве антропологических и психологических особенностей членов этноса.^{xii}

Этничность, является сложной структурой этноформирующих факторов и производных этнических признаков. Поэтому, когда речь идет о диаспоре, интерес вызывают этнические признаки, то есть те специфические черты субэтноса, которые отражают реально существующие различия между ним и этносом-ядром и другими окружающими этносами.

В качестве таких этнодифференцирующих признаков, могут выступать самые разные характеристики: обряды и обычаи, язык, моральные и этические нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, национальный характер и т.д. В эту группу включается сейчас этническое самосознание, которое долгое время не рассматривалось в качестве признака этноса. Н.Н. Чебоксаров, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущую определенным этносам, утверждает: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления - этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результанту действия всех основных акторов, формирующих этническую общность».^{xiii}

Национальное сознание, как известно, представляет собой отражение бытия нации, ее места и роли в жизни социума, отношения к другим национальным общностям. Национальное сознание складывается параллельно с формированием национального бытия.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. С развалом СССР и возникновением новых суверенных государств встала проблема смены идентичности. Миллионы людей задались вопросом: *“Если я не советский человек, то кто же?”* Здесь надо подчеркнуть, что советская и нынешняя национальная идентичность качественно различны. Социологические опросы эпохи перестройки показывают поразительное различие в самоопределении русских и представителей других народов СССР (молдаван, украинцев, эстонцев). Если последние осознавали себя молдаванами, украинцами и т. д., то русские определяли себя – “советский человек”. Распад Союза поставил на повестку дня проблему государственной стратегии формирования национальной идентичности. К середине 1990-х годов в России появляется концепция российской политической нации – “россияне”. Понятие “россиянин” и подобные концепты государств сограждан – «казахстанцев», «узбекистанцев» или «соукраинцев» пока еще не прижились в постсоветском пространстве. Ярким свидетельством тому стали бурные дискуссии относительно включения и или исключения в заграничных паспортах и национальных удостоверениях личности графы – национальность.

Исторический опыт показывает, что в иммигрантской общине, отколовшейся от этнического ядра и оказавшейся в иной стране, происходят эволюционные процессы ее идентичности и самосознания. Как правило, эти процессы растягиваются на несколько поколений, ибо они определяются как совокупностью внутренних факторов, так и и интенсивностью внешнего воздействия. Сохранение этнического самосознания зависит от наличия или отсутствия административного автономного образования, этнокультурного анклава, связей с исторической родиной, притока новых соотечественников-иммигрантов; доли межэтнических браков и детей, рожденных в них; от характера про-

водимой в стране проживания национальной и языковой политики и т.д.

При переселении части этноса на новое место, не только первое поколение иммигрантов, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т.е. этнические свойства. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в субэтнос – диаспору, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся своеобразием культуры, образа жизни и языка. У представителей такого субэтноса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре.

Потомки иммигрантов, длительно проживающие за пределами своей исторической родины (этнического ареала), обычно подвергаются ассимиляции, то есть растворению в доминирующей иноэтнической среде. Постепенное забвение родного языка, обычаев, этнической культуры приводит, в конце концов, к потере субэтносом чувства прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается со сменой нескольких поколений. Однако, диаспора не исчезнет до тех пор, пока ее члены воспринимают самих себя в антитезе "мы - они", причем под последними понимаются все остальные, включая этнос-ядро, от которого когда-то откололись их предки.^{xiv}

Такой теоретический подход подходит в случае с корейской диаспорой Казахстана, которая имеет собственный этноним (название и самоназвание) – «коре сарам». С одной стороны, коре сарам имеют много общего с корейцами, проживающими на Севере и Юге Корейского полуострова. У них общие генетические корни, единый расовый и антропологический тип, многовековая общая история, культура и язык. Но с другой стороны коре сарам сильно отличаются от всех других корейцев. За прошедшие полтора столетия с момента переселения на русский Дальний Восток произошли значительные изменения в их менталитете, этнической культуре, языковой компетенции,

социальном положении, образовании и даже во внешнем облике.^{xv}

Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания, генезис диаспоры коре сарам происходили, как представляется, в следующих основных этапах:

1. Провинциальное самосознание корейских переселенцев на русский Дальний Восток.
2. Антияпонская борьба, коммунистическое движение и пробуждение национального самосознания.
3. Множественная идентичность периода национально-культурного строительства в СССР.
4. Сталинские репрессии и подавленное самосознание депортированного по этническому признаку народа.
5. Дремлющее самосознание в брежневский застой.
6. Перестройка, ренессанс этничности и формирование постсоветского диаспорного самосознания.
7. Радикальные изменения национальной идентичности и инновации в диаспорном самосознании постсоветских корейцев.^{xvi}

Предлагаемая периодизация носит рабочий характер, поэтому ее полновесная аргументация и развернутая интерпретация станет задачей отдельного исследования. Такое схематичное этапирование метаморфоз национальной идентичности и этнического (диаспорного) самосознания носит в данном случае лишь ограниченную, вспомогательную функцию.

Порой кардинальные перемены в национальной принадлежности (гражданстве) происходят в кратчайшие сроки, как это случилось после развала федеративных государств в Восточной Европе и распада СССР. Здесь речь идет скорее не об эволюции, а о коренной ломке привычного самосознания, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. Диаспоры, как и все социальные структуры подвижны, поэтому убедительным представляется утверждение С. Арутюнова о том, что «диаспора - это не только и не столько состояние, диаспора - это процесс развития

от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре».^{xvii}

Современным диаспорам, которые преимущественно урбанизированы, свойственны более высокие темпы ассимиляции и форсированной трансформации традиционного образа жизни. В 21 веке переходы из одной стадии генезиса диаспоры в другую, на которые в прежние времена уходили века, происходят интенсивно и в ускоренном режиме. Смена многих этнокультурных признаков, таких как традиции, обычаи, родной язык, религия предков будет протекать в урбанизированной и унифицированной среде в течение жизни двух-трех поколений.

Анализ диаспорного сознания, требует дифференцированного подхода к его носителям. Представителей диаспоры делят на две основные группы: иммигрантов первого поколения уже со сложившимся национальным и этническим сознанием; и последующих поколений, родившихся и выросших в стране-реципиенте. У взрослых иммигрантов происходит длительная, порой болезненная перестройка национального (этнического) сознания в диаспорное. Диаспорное сознание рожденных в стране-реципиенте изначально исконно, но не без наслоения в виде различных пластов собственно национального (этнического) сознания.^{xviii}

Иммигранты, проживающие в иноэтнической, инокультурной среде, оказываются в процессе диаспоризации под влиянием целого комплекса внутренних и внешних факторов, отличающиеся по амплитуде интенсивности. Считается, что скорость перехода от иммигрантской общины к диаспоре зависит от таких основных факторов как:

- компактность расселения в иной стране;
- возрастная, половая и семейная структура;
- лингвокультурное и конфессиональное сходство или различие с доминирующим иноэтническим населением;
- проводимая национально-культурная политика принявшего иммигрантов государства;
- интенсивность связей с исторической родиной;
- наличие сильной сетевой диаспорной организации и т.д.

Одним из ключевых моментов в понимании сущности диаспорного сознания заключается в понимании того, что не диаспоры порождают диаспоральное сознание, а напротив, диаспорное сознание создает диаспоры. Генезис диаспоры в основе своей объективен, но утверждать что процессы формирования диаспоры завершились, можно только лишь со становлением диаспорного сознания.

Важнейшим фактором становления диаспорного сознания служит знание родного языка родителями и старшими членами семьи, которые воспитывают в детях интерес к национальному языку, традиционной культуре, прививают этнически окрашенные элементы этики, формируют диаспорное восприятие картины мира.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. Утверждение, что у диаспор с долгой историей центр тяжести в структуре этнических признаков сместился в обряды, обычаи и традиции, пока в в некоторой степени априорно, хотя такая априорность не исключает его истинности. На самом деле, диаспоранты в полной мере ощущают иными, отличными от других именно в дни древних народных праздников.

В самосознании диаспоры ключевое место занимает диаспорная идея, скрепляющая как стержень все последующие поколения, начиная с пионеров-эмигрантов. В основе этой идеи лежит понимание исключительности своей исторической судьбы; сходства и различий с материнским этносом и его сколками, оказавшимися в других странах; необходимости установления и сохранения каналов связи с исторической родиной; стремление к внутрдиаспорной консолидации и межэтнической интеграции в стране проживания. В отличие от иммигрантских этнических групп, неуверенных приживутся ли они в стране-реципиенте, диаспоры осознают, что их жизнь и будущих поколений связана с новой родиной.

ⁱ Определения «диаспоральное» и «диаспорное» используются в данной статье как синонимичные

ⁱⁱ официальное название Северной Кореи Чосон Инмин Минчжучжуи Конгхвагук (Корейская Народно-Демократическая Республика) или сокращенно Чосон

ⁱⁱⁱ См.: Van den Berghe, P. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 1978, Vol. 1, N4, p. 402-411; Geertz, C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States. In C Geertz (Ed.): *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*, Free Press: New York, 1963, p. 107-113; Smith, A. D. *The Ethnic Origin of Nations*. New York: Blackwell, 1986.

^{iv} Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*. М., 1983.- 412 с.; *Этносоциальные процессы: теория, история и современность*. М.: Наука, 1987.- 333 с.; Гумилев Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. 2 изд. испр. и доп. - Л.: Изд-во ЛГУ. 1989. - 496 с.; *География этноса в исторический период*. - Л.: Наука.1990 -253 с.

^v Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell, 1983; Anderson, B.: *Imagined Communities*. Revised and extended edition published by Verso, 1983, reprinted 1995; Hobsbawm, E.J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

^{vi} George DeVos, *Identity Problems of Immigrant Minorities: A Psychocultural Comparative Approach Applied to Korean Japanese*, in *Sourcebook in the New Immigration: Implications for the United States and the International Community*. Roy Simon-Bryce-Laporte (ed.), New Brunswick, New Jersey: Transaction Books, 1980, pp. 321-328; *Ethnic pluralism: conflict and accommodation - the role of ethnicity in social history*. In: *Ethnic Identity: Creation, Conflict, and Accommodation*. Walnut Creek : Altamira Press 1995, pp. 349-379.

^{vii} Губогло М.Н. В лабиринтах этнической мобилизации. // *Вопросы истории*. - 2000. - №3. - С. 106-124; Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Россия реформирующаяся / Под редакцией Л. М. Дробижевой*. Academia, 2002. С. 213-244 и др.

^{viii} См.: Пиаже Ж. *Генетическая эпистемология*. - СПб.: Питер, 2004.- 160 с.

^{ix} Aboud, Frances E., and Shelagh A. Skerry. "Self and Ethnic Concepts in Relation to Ethnic Constancy." *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1983, Vol. 15, No. 1, pp. 14-26; Ocampo K.A., Bernal M.E., Knight G.P. Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies.- *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. Albany: State University of New York, 1993, pp.11-30.

^x Berry, J.W. Ethnic identity in plural societies. In M. Bernal & G. Knight (Eds). *Formation and Transmission of Ethnic Identity*, Albany: State University of New York Press. 993, pp. 271-296

-
- ^{xi} См.: Старовойтова, Г. В. К исследованию этнопсихологии городских жителей: По материалам опроса трех городов Татарской АССР / Г. В. Старовойтова // Советская этнография. – 1976. – № 3. – С. 45 – 56.
- ^{xii} Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание// Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67-74.
- ^{xiii} Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. Советская Этнография, 1967, № 4, с. 99
- ^{xiv} Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора.// Этнографическое обозрение, 2000, №2; Текст одноименной лекции на сайте электронного журнала «Скепсис». http://sceptsis.ru/library/id_75.html
- ^{xv} Ross King and German Kim. "The Northern Region of Korea as portrayed in Russian sources, 1860s-1913. Proceedings of the conference *The Northern Region, Identity, and Culture in Korea*. October 20 and 21, 2005, Harvard University, Center of Governmental and International Studies, Cambridge, MA, pp. 209-271
- ^{xvi} Ким Г.Н. Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания постсоветской корейской диаспоры. Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана: Институт Социально-политических исследований. №2, 2010, с. 37-53
- ^{xvii} Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. - 2000. - № 2. -С.77.
- ^{xviii} См.: Калустьянц Ж.С. Диаспорное сознание в современном обществе // Вестник Ставропольского государственного университета. 50/2007, с. 288-294.